

Семен Франк

Максим Горький¹

Ушел из жизни Максим Горький – один из самых характерных и в то же время самых проблематичных образов русской духовной истории последних сорока лет. «Одурманенный расположением и ненавистью партии», – это господствующее мнение о нем лишь отчасти соответствует истинной сущности Горького. Обретенная им достаточно рано мировая слава великого русского писателя основана на недоразумении. Как это часто случается, когда о писателе судят его современники, оценка творчества Горького в значительной мере определялась мотивами, весьма далекими от искусства: в самой России – как дореволюционной, так и большевистской – впечатляющим доминированием политически-этической тенденции в его произведениях; в европейском мире за пределами России – притягательной «экзотичностью» его образов. С художественной точки зрения, Горький может рассматриваться лишь как писатель второго или скорее третьего ранга. Он не входит ни в какое сравнение с такими великими гениями русской литературы, как Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой; а если принять во внимание формат и особенность его творческого таланта, он также не может быть поставлен в один ряд и со звездами второй величины, творившими в одно время с ним, такими, например, как Лесков, Чехов, Бунин. Горького отличает от них недостаток простой правдивости, беспристрастного художественного реализма – невыразимого волшебства, которое (используя выражение Пушкина) состоит в «прелести нагой простоты»² и образует подлинную сущность русской литературы³. Манера Горького составляет ее полную противоположность: то, что он выдает за реалистичное, есть преимущественно лишь внешняя форма, за которой каждый, кому было дано прочувствовать его творчество, способен усмотреть его подлинное содержание, а именно романтически-декламаторское. Его творчество, в первую очередь его ранние новеллы, безусловно не лишено художественного достоинства, но через простое изображение образов и судеб невозможно оказать

¹ Maxim Gorki // Hochland. Kempten, München, 1935-1936. 33 Jahrg. Bd. 2. P. 566-569.

² Франк цитирует из одного из черновых вариантов заметки Пушкина «О поэтическом слоге» (1828). (Пушкин, ПСС, 1977-1979. Том 7 «Критика и публицистика», «Статьи и заметки» – «О поэтическом слоге») «Мы не только еще не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем». – О.Н.

³ О правде как высокой моральной ценности Горький говорит в своем очерке «Ленин». Франк упрекает его в том, что творчество самого писателя этой ценности не отвечает. Оно надуманно. (Ленин «прост как правда». Горький М. Ленин. М., 1933. С. 16.) – О.Н.

[на читателя] убедительно-непосредственное и захватывающее воздействие: акцент у него сделан на рационально оформленном мировоззрении, которое он вкладывает в уста своих героев. Из этого явствует, что творчество Горького, в общем и целом, представляет собой образец той облаченной в литературную форму тенденциозной литературы, которая по обыкновению весьма популярна в России. А сам Горький имеет отношение не столько к области русской художественной литературы, но скорее к русской духовной истории, которая неотделима от истории политической; и лишь это заключение может послужить правильной исходной точкой для того, чтобы дать оценку его творчеству и ему самому.

Максим Горький (известный псевдоним Алексея Максимовича Пешкова⁴) – «писатель из народа»; однако в отличие от других представителей этого течения в русской литературе Горький происходит не из крестьянства, но из городского пролетаризированного мещанства. В ранней юности он покидает свой отчий дом, странствует и оказывается среди шатающихся, бродяжничающих, оторванных от своей почвы людей, которые, в общем-то, с давних пор существовали в России, но число которых с конца 19 века значительно увеличилось в связи с начинающимся распадом старых основ жизни. Когда молодой Горький, пережив множество приключений, в середине 90-х годов получает доступ к прессе и начинает писать, он усматривает задачу своей жизни не только в том, чтобы обратить внимание на особенность и мировоззрение этих лишенных корней бродяг или, согласно техническому обозначению этого явления, «босняков», но и в том, чтобы, идеализируя этот тип человека, восславить его в качестве примера духовной свободы, жизненного мужества и смелости. Тем самым Горький в некоторой степени оказывается связанным со старой литературной традицией: речь идет о «народниках» – господствовавшем с 60-х годов духовном направлении, для которого было характерно описывать способ жизни и мировоззрение «народа», «трудящихся классов» как пример духовной добродетели, подлинного и справедливо-го образа жизни, совершая ради них нападки на господствующее и образованное сословие. Образованные и обеспеченные должны не только искупить свою вину перед народом; они должны взять за образец простой, полный труда и лишений образ жизни «народа» (вспомните, к примеру, проповедь Толстого). Однако в том прославлении народа, который мы встречаем у Горького, слышна абсолютно новая нота. Это не «вскормленные деревней», связанные с клочком земли, покорные и угнетенные, но бунтующие, ослепленные анархизмом, отрицающие все традиционные ценности и формы жизни люди из народа, которые в качестве духовного примера противопоставлялись обывателям и сентиментальным интеллектуалам; и этот народ является не только объектом для любовного воздействия и реализации чувства справедливости со стороны высшего класса; напротив, это уверенный в себе субъект революционного духовного движения. В идеализациях Горького именно неуважение, ненависть ко всему обывательскому и упорядочен-

---

⁴ Здесь в оригинале статьи следует объяснение, что означает «горький» по-русски. – О.Н.

ному в жизни, отрицание всех господствующих нравственных понятий в силу их лицемерности и фальшивой сентиментальности призвано служить выражением простого, истинного благородства, подлинной духовной свободы. Отсутствие социальных и духовных привязанностей, освобождение от любой связи с традиционными ценностями и жизненными условиями является здесь предпосылкой для осмысленной героической жизни. Горький по своей сути – не социалист, он – анархист. Он проповедует огрубленное, вульгарное ницшеанство, которое, разумеется, радикально отличается от аристократических взглядов Ницше и сводится к восхвалению чего-то подобного «восстанию рабов».

Эти первые новеллы, которые прославляли оторванных от родной почвы «боячков», хотя и были лишены подлинной художественной гениальности, но захватывали реалистической свежестью (что спасло их от напрашивающегося сравнения с любимыми романтическими историями об индейцах – «благородных дикарях»). Именно они остались подлинным делом всей жизни Горького и сделали его известным во всем мире. Многочисленные работы, написанные им позже, не добавили к этому ничего существенно нового и никогда более не достигали эстетической свежести его первых рассказов (исключение составляет, пожалуй, его автобиография).

Очевидно, что приобретенная Горьким столь рано мировая известность не со служила добрую службу в его последующем творческом развитии. Фатальные последствия повлекло за собой и его сближение с политической партией русских социалистов. То, что раньше было непосредственным романтическим ощущением жизни, отныне превратилось для Горького в политическую программу. Ко времени его первого появления в литературе в середине 90-х годов в России возник – сначала в качестве литературно-духовного направления – русский «марксизм». В отличие от социализма «народников», стремившихся отвести Россию от пути капитализма и индустриализации и веривших в органическое развитие к социализму на основе самобытных крестьянских общин, русский марксизм утверждал, что России суждено разделить судьбу всех остальных европейских народов: через капитализм и рост революционных настроений городского пролетариата прийти к социализму политически, культурно и социально. Поначалу это было возрождение в новой форме давнего спора между славянофилами, которые требовали для «святой Руси» особого положения по сравнению с «загнивающим Западом», и «западниками», которые считали европейскую форму жизни и культурного развития необходимой и благотворной также и для России. Марксизм довольно быстро оформился в качестве социал-демократической партии по европейскому образцу, которая, как известно, уже в 1903 году распалась на умеренных («меньшевиков») и радикалов («большевиков»). Большевизм изначально представлял собой смешение «классического» марксизма с типично русской анархистски-максималистской верой в возможность скорого осуществления социализма как «Царства Божия на земле» благодаря победе народного восстания. Это направление, которым руководил Ленин, более других отвечало горьковско-

му складу. В 1905-1917 гг. он выступал в качестве его глашатая, хотя в партию, конечно, при этом не вступал. (В своем владении на Капри он основал школу социалистических пропагандистов.) Когда в 1917 году, после почти трех лет мировой войны, случилась катастрофа, а вместе с ней и желанное народное восстание, когда Ленин понял, что одураченные крестьянские и солдатские массы можно подчинить силе большевистской партии, когда отныне большевистское государство вопреки его анархическому происхождению – или же именно вследствие этого – превратилось в неслыханную беспощадную и жестокую деспотию, Горький пережил сильнейшее разочарование. Новое господство тиранов, породившее неизбежный приток коррумпированных и подлых элементов, бессмысленное централизованное регламентирование всей жизни и уничтожение любой формы жизненной свободы радикально отличалось от его романтической мечты о героически-анархическом устройстве жизни. Горький тогда безуспешно пытался переубедить руководителей нового государства; он протестовал против кровавого режима и, используя свои связи, спас жизнь многим жертвам большевистского террора. Рассерженный, он вернулся, в конце концов, в свои владения на Капри.

Однако его отношение к большевизму с самого начала было двойственным. Испытывая поначалу глубокую неприязнь к новому режиму, он оставался тесно связан с его представителями не только благодаря своему прошлому, но чувствовал также, что здесь происходило что-то все же соответствующее его идеалу: здесь одержало победу пригрезившееся ему восстание отчаявшихся народных элементов, был уничтожен весь старый жизненный порядок, а ненавидимый им, чуждый жизни и надуманный идеализм русских интеллектуалов был заменен основанным на нигилизме принятии жизни. Кроме того, ему не хватило духовных сил для того, чтобы выстоять в гордом одиночестве. В результате он примирился со своими старыми товарищами по убеждениям и пережил теперь уже в Советской России новый двусмысленный триумф, который ему пришлось все же оплатить предательством прекраснейших мечтаний его молодости. Его последние политические высказывания и выступления, в которых он, оставив без внимания стенания угнетенной отчизны и используя свой авторитет, санкционировал бесчеловечную и бессмысленную тиранию Сталина, должны быть здесь лишь упомянуты без вынесения суждения, поскольку его могила еще свежа.

Глубокий внутренний трагизм, который несмотря на все внешние успехи Горького окутывает последний период его жизни, имеет – как и весь его духовный образ – определенное символическое значение. Позитивное в его устремлениях, жажда простой истины, героической жизни, духовной свободы изначально было связано у него с ненавистью и враждебностью и с течением времени все больше оказалось отравленным этой темной, демонической силой. Но такова была судьба русского духа, который уже начиная с середины 19-го века охватило стремление к мятежу. Крайний моральный максимализм, предельный результат религиозного беспокойства русского духа восторжествовал благодаря тому, что в нем одержали победу силы отрицания, превратившись в циничный, жизнеуни-

чтожающий нигилизм. Это страшное заблуждение, в котором отпадение дьявола от Бога обретает свое реальное воплощение, стало и для Горького его судьбой. Он остается последним русским революционным писателем, все же заслуживающим внимания. Невозможно себе представить, что после него возникнет еще один творческий дух этого же направления. Мечта о духовном обновлении жизни на путях отрицания и восстания потерпела крушение в душе русского народа. Будущее целиком и полностью принадлежит истинному – а именно религиозному – возрождению.

Перевод с немецкого Оксаны Назаровой